

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
В БЕЛАРУСИ
(20–30-е гг. XX в.)**

Хрестоматия

Минск 2008

УДК 159.9(076.6)

ББК 88.1я73

И907

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ,
рекомендовано секцией психологических наук
(протокол № 1 от 30.08.07)

Составитель

преподаватель кафедры общей и дифференциальной
психологии БГПУ *И. В. Журавлева*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор кафедры общей
и детской психологии БГПУ *Л. А. Гандыбович*;
кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики
и психологии БГЭУ *И. И. Зайчик*

**История психологии в Беларуси (20–30-е гг. XX в.) : хрестоматия / сост. И. В. Журавлева. – Минск : БГПУ, 2008. – 93 с.
ISBN 978-985-501-537-7.**

В хрестоматии представлены биографические данные и оригинальные статьи философов, психологов, которые стояли у истоков становления психологической науки в Беларуси в начале XX века.

Адресуется студентам и слушателям психологических специальностей БГПУ, а также широкому кругу читателей.

УДК 159.9(076.6)
ББК 88.1я73

ISBN 978-985-501-537-7

© Журавлева И. В., составление, 2008
© БГПУ, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес психологов к истории собственной науки оформился в отдельную сферу исследования – историю психологии. История психологии учит не только фактам, но и умению понять и адекватно оценить отдельные психологические явления и концепции.

История психологии имеет большое образовательное и нравственное значение для будущих специалистов. Обращение к истории психологии – это творческий диалог с прошлым. Вклад ученых-философов, педагогов, психологов Б. Э. Быковского, С. Я. Вольфсона, А. А. Гайворовского, В. Н. Иванювского, П. Я. Панкевича в становление и развитие психологии Беларуси представлен в учебном пособии Л. А. Кандыбы «История психологии в Беларуси» (2005 г.). В хрестоматии приводятся фрагменты научных материалов этих ученых, опубликованных в 1920–30-х гг. Некоторое сокращение материала сделано по причине ограниченности объема пособия. Материалы первоисточников отредактированы с целью более доступного понимания современному читателю. Данная хрестоматия поможет студентам углубить свои знания в изучении истории психологии Беларуси начала XX века.

БЕРНАРД ЭММАНУИЛОВИЧ БЫХОВСКИЙ (1898–1980)

Родился в г. Бобруйске. Окончил факультет общественных наук БГУ. Работал на кафедрах философии в учебных заведениях г. Минска. Доктор философских наук, профессор, лауреат Сталинской премии. В своих работах неоднократно обращается к изучению психоанализа. Основные труды: «История философии» (1943), «О методологических основаниях психоаналитического учения З. Фрейда» (1923), «Генеомические воззрения З. Фрейда» (1926), «Метапсихология Фрейда» (1926).

Метапсихология Фрейда

У нас нынче становится в ученом мире признаком хорошего тона подделка своих воззрений «под марксизм». Более поверхностные авторы ограничиваются марксистскообразным предисловием и революционной заключительной тирадой; недурно поместить и пару цитат, взятых на прокат у Бухарина. Более серьезные ученые пользуются более совершенными методами для придания научного образа и подобия идеалистически-теологическим воззрениям. Словом марксистов нашей страны – смысывать с горьких идеалистических пилюль «материалистическую» позолоту, не прибавлять якобы научной терминологии, а докапываться до сущности излагаемых воззрений.

Иное дело на Западе. Европейские ученые издавна стараются прикрыть истинно диктуемые ходом научных исследований материалистические выводы, завуалировать их тщательнее – мистически спиритуалистической оболочкой. Даже наиболее материалистические буржуазные ученые всегда считали своим долгом отмежеваться от материализма, пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, чтобы выразить свое возмущение по адресу этого «безнравственного» мировоззрения.

В обоих случаях таятся свои опасности для марксиста-ученого. В первом – опасность попасть в расставленную идеализмом ловушку и, самому того не замечая, воспринять идеалистические воззрения. Так было, например, со сторонниками учения проф. Берга о номогенезе, с полным основанием названного телеогенезом. Во втором случае опасность иная, из-за словесной шелухи просмотреть ценные, реальные, а следовательно, мате-

рационалистические завоевания науки. В обоих случаях необходим критицизм, трезвый и глубокий марксистский анализ.

К работам Фрейда, и в особенности к его «метапсихологическим» работам, это замечание сугубо относится. Рациональные порывы учения покрыты не словесной идеалистической шелухой, а настоящей броней мистицизма. В моей работе «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда» (1923) я указывал на ярко выраженный субъективизм фрейдской терминологии и постарался доказать, что *несмотря на то*, субъективизм является затемняющей суть дела оболочкой, и, когда ближе познакомишься с психоанализом, не только убеждаешься в его согласуемости с реактологией, но и начинаешь сомневаться в его субъективизме. В самом деле, можно ли примириться с термином «бессознательное» — краеугольным понятием всего учения Фрейда? Нет, этот термин явно неудовлетворителен, так как основан на негативном определении, как «не относящийся к сознанию», что, во-первых, ничего не говорит о природе самого бессознательного, во-вторых, понятие «сознательное» само нуждается в научном определении и обосновании, так как мы не знаем, что делают психические явления сознательными, и, возможно, будет достигнуто лишь посредством анализа «бессознательного». Но соответствует ли этой пустой субъективной терминологии также и субъективное понимание бессознательного? Нет, так как психоанализ — учение о бессознательном, о чем-то происходящем *вне пределов* субъективного «Я». Бессознательное реально воздействует на реакции организма, часто руководя ими. Бессознательное не может быть изучено через сознание, субъективно. Это и служит причиной того, что Фрейд изучает *объективные проявления* бессознательного (симптом, ошибка и т. п.), ищет условия минимального участия сознания (сон, детский возраст). Все это, безусловно, приемлемо для реактологии. Фрейд и сам сознает неудовлетворительность своей терминологии и в написанной в 1920 г. метапсихологической работе заявляет: «Мы принуждены оперировать с научными терминами, т. е. специфическим образным языком психологии (правильнее: «психологии глубин»). Иначе мы не могли бы вообще описать соответствующие процессы, не могли бы их даже постигнуть. Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменить физиоло-

гическими или химическими терминами» [5, с. 105]. Для Фрейда это субъективистские понятия коррелятивны материальным физиологическим процессам и замещают их. Постараюсь в дальнейшем изложении преодолеть мистификацию Фрейдской терминологии.

1

Одной из составных частей Фрейдовской метapsиcхологии является учение о двух принципах психической деятельности: принципе удовольствия и принципе реальности, взаимоотношения которых в психике индивидуума являются определяющими, обуславливающими для сложных механизмов, изучаемых психоанализом. Принцип реальности является вторичным образованием в развитии человеческой психики. Но в психической жизни нормального зрелого индивидуума он является господствующим, подчиняющим и регулирующим второй, более ранний принцип – принцип удовольствия. «Замена принципа удовольствия принципом реальности со всеми вытекающими отсюда психическими последствиями... в действительности осуществляется не сразу и не одновременно по всей линии. В психологии, основанной на психоанализе, мы привыкли считать исходным моментом бессознательные душевные процессы. Мы рассматриваем их как более старые, первичные, как остатки такой стадии развития, в которой они являлись единственной формой душевных переживаний. Высшая тенденция, которой подчиняются эти первичные процессы, называется принципом удовольствия – не удовольствия... Эти душевные процессы имеют стремление доставить себе удовольствие. От переживаний, могущих вызвать неудовольствие, психическая деятельность отвращается» [3, с. 80]. Заметим, что носителем принципа удовольствия является система бессознательных психических процессов. «Мы описываем обстоятельства так, как они проявляются у зрелого человека, у которого система бессознательных психических процессов, строго говоря, функционирует только как предварительная ступень высшей организации (принципа реальности Б. Б.). Из нашего описания не следует делать вывод о том, какое содержание имеет эта система, и каково ее отношение в период индивидуального развития, и, какое значение она имеет у животного; это должно составить предмет самостоятельного исследования» [6, с. 146]. Таким образом, принцип удовольствия, являющийся

регулятором (точнее: индикатором) в системе бессознательных психических процессов, господствует в психической жизни животных и на ранних ступенях онтогенетической эволюции человека, позднее он вытесняется принципом реальности, оставаясь лишь подчиненным, рудиментарным принципом. Для лучшего понимания принципа удовольствия нужно воспользоваться следующими замечаниями Фрейда о тех формах психической деятельности, когда его функционирование еще не подпадает под принципом реальности». «Грудной ребенок, пользующийся материнским уходом, приблизительно осуществляет именно такую психическую схему. Господство принципа удовольствия может окончиться, собственно говоря, только с полным отделением от родителей». Для взрослого же человека «содержание бессознательных психических процессов можно сравнить с психическими аборигенами. Если у человека имеются унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных, то это составляет ядро бессознательного» [6, с. 151.]

Такой способ выражения является общепринятым в современной психологии, и определение принципа удовольствия (господствующего в системе бессознательного) как унаследованных психических образований, аналогичных инстинктам животных, является вполне ясным и определенным. Допустим, что рассматриваемый принцип есть в самом деле ничто иное, как врожденные реакции, инстинкты, в таком случае, вышеприведенные замечания Фрейда о том, что эта система реакций является господствующей у грудных детей и животных и постепенно вытесняется с индивидуальным развитием человека, превращаясь в подчиненную — все это не вызывает никаких сомнений и находится в полном согласии с нашими психологическими воззрениями. Чтобы убедиться в том, что наше предположение не произвольно, установим взгляд Фрейда на генезис и характер системы бессознательных психических процессов. «Ядро бессознательных психических процессов состоит из психического коррелята влечений». «Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли этот процесс химический или он может соответствовать также и развитию других, напр., механических сил. Изучение источников влечения уже больше не относится

в области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет самый решающий признак влечения, в душевной жизни мы его узнаем только по его целям» [7, с. 182]. Здесь необходимо отметить признание Фрейдом соматического характера влечений. «Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то “влечение” покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренности тела и проникающих в душу, мерилом работы, которая требуется от психики, вследствие ее связи с физическим». Каково, по Фрейду, происхождение системы бессознательного? Являются ли врожденные влечения априорными формами, имманентными психике, или возможно выяснить и их возникновение? «Ничто не мешает предлагать, — справедливо замечает по этому поводу Фрейд, — то, что сами влечения, по крайней мере, отчасти, представляют собой осадки влияния внешних раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом существе». И по этому вопросу Фрейд стоит на уровне современной эволюционной теории и усматривает влияния внешней среды как обуславливающие возникновение инстинктов. Классификация основных инстинктов, предлагаемая Фрейдом, также не противоречит обычной теперь классификации. Он возражает против разложения эндогенных влечений на многочисленные влечения к игре, к разрушению, к общительности и т. д. и предлагает различать лишь две основные группы влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Причем считает это деление условной, вспомогательной конструкцией. «Общепринято различать голод и любовь, как представителей влечений, из которых одни стремятся сохранить индивида, другие — продолжить его род. Присоединяясь к этому, столь понятному разделению, мы и в психоанализе отделяем влечения самосохранения или влечения «Я» от сексуальных влечений...» [8, с. 191]. Новейшие схемы исходят из того же деления, иногда различая инстинкт самосохранения и инстинкт питания, половой и родительский. Влечения, чувства, в противовес ощущениям и «интеллектуальным» процессам, качественно характеризуются удовольствием и неудовольствием. Такое понимание также широко распространено среди психологов. Кроме того, термины удовольствие и неудовольствие обозна-

чают у Фрейда лишь субъективную сторону энергетического характера психических процессов. «Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения — с понижением его» [7, с. 107]. «Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения». Вполне приемлемо и различие, устанавливаемое «метанпсихологией» между рефлексам и инстинктами, во-первых, по источнику раздражения, во-вторых, по форме действия. Влечения, будучи осадками воздействия внешней среды в процессе филогенетической эволюции, образовались, производят раздражения изнутри организма, и потому следует отличать непосредственные раздражения из внешней среды, отторгаемые рефлексом. Далее, «все существенное для характеристики раздражения (внешнего Б. Б.) заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство от источника раздражения. Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничто не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия *мгновенного толчка, а всегда постоянной силы*. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство». Достигая эндокринологии проливают свет на физиологический и химический характер этой «постоянной силы». Неоспорима, наконец, и теснейшая энергетическая связь инстинктов-влечений с аффектами. Таковы основные черты принципа удовольствия, господствующего в системе бессознательных психических процессов, черты, дающие ему строго научную характеристику, вполне совпадающую со свойствами системы врожденных, сложных органических инстинктивных реакций, выражаясь обычной для нас терминологией.

Какой основной недостаток безусловных реакций, делающий их несовершенными и недостаточными? В чем преимущество по сравнению с ними условных, приобретенных реакций, что делает последние высшей, более совершенной формой биологического приспособления? Конечно, этим основным недостатком

инстинктов является их консервативность, окостенелость, «слепота», которые превосходятся подвижными эластичными, огионтирующимися в изменениях реальной действительности и приобретенными условными реакциями. «Бессознательные процессы также мало принимают во внимание *реальность*. Они подчинены принципу наслаждения, судьба их зависит только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регулирования наслаждения – неудовольствия» [3, с. 145]. Психический аппарат должен был решиться представить себе реальные соотношения внешнего мира и стремиться к их реальному изменению. Таким образом, был введен новый принцип душевной деятельности. Представлялось уже не то, что приятно, а то, что действительно, даже если оно и неприятно. Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия. Принцип реальности, таким образом, вырос на основе принципа удовольствия, вследствие неучтительности последнего, для более *целесообразного* приспособления поведения посредством учета реальной действительности. Если элементами системы бессознательного являются влечения, то основные элементы принципа реальности – восприятия. Но принцип реальности по своей биологической природе «не означает вовсе устранения принципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям, удовольствие устранилось только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное». Эти слова Фрейда прекрасно определяют роль условных реакций в процессе биологического приспособления человека. «Воспитание может быть определено, без дальнейших оговорок, как побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности». При господстве в психической деятельности инстинктов роль воспитания весьма незначительна, как показывают наблюдения зоопсихологов.

Образование условных реакций имеет для психики огромное значение и влечет большие последствия. Фрейд во фрагменте «Положения о двух принципах психической деятельности» показывает, как появление принципа реальности в психической жизни повлекло за собой усовершенствование органов чувств и связанного с ними сознания, выработало функции внимания, памяти и, благодаря тому, что стала возможна задержка мотор-

ного проявления — мышления, соединяющегося со словесными представлениями. Фрейд не анализирует эти высшие психические функции, он ограничивается установлением их происхождения на основе принципа реальности, т. е. условных реакций.

Как мы видели выше, принцип реальности, тождественный с системой психических процессов, начинает овладевать человеческой психикой, как только ребенок отнимается от материнской груди. Впрочем, Фрейд не считает эти два принципа равноправными только человеческой психике. Он признает их наличие не только в психике первобытного человека, но и более простых существ [4]. К периоду полового созревания этот принцип становится доминирующим, подчинившим себе первичные психические функции на основе принципа наслаждения. «При нормальных условиях система бессознательных процессов господствует над эффективностью, как и над путями в двигательной области, и повышает значение вытеснения, показывая, что следствием вытеснения может быть не только недопущение в сознание, но и недопущение как развития эффекта, так и мотивировки мускульной деятельности. Иначе говоря, мы можем дать обратное описание факта: пока система бессознательных процессов сохраняет свое господство над эффективностью и движениями, мы называем психическое состояние индивида нормальным» [6, с. 137]. Вот почему изучение системы бессознательного у человека возможно, главным образом, при различного рода психоневрозах, а также на основании сновидений. «Человек каждую ночь сбрасывает с себя все оболочки, которыми он покрывает свою кожу, а также все дополнительные части органов своего тела, поскольку ему удалось пополнить недостатки этого тела, как-то: очки, фальшивые волосы, зубы и т. д. К этому можно еще прибавить, что, идя спать, он совершенно аналогичным образом сбрасывает свою психику, отказывается от большинства психических завоеваний и, таким образом, с обеих сторон чрезвычайно приближается к тому положению, в каком он был в начале своего жизненного развития» [9, с. 160]. Исследования Пиажета о сне как процессе внутреннего торможения в коре головного мозга приведенное понимание сна ни в какой мере не противоречит. Таково рациональное ядро Фрейдовского учения о двух принципах психической деятельности. Оно совпадает с тем кругом представлений, который разрабаты-

плет реактология и рефлексология. Учение Фрейда, вопреки своей ослепляющее-субъективистской форме, находится с ними в близком родстве. Но в то время, как рефлексология занимается изучением образования и механизма условных рефлексов на основе безусловных, психоанализ изучает конфликты, диалектические противоречия, возникающие в целостной человеческой личности между двумя психическими системами: врожденными биологическими реакциями и упрочившимися новообразованиями — приобретенными социальными реакциями. Человеческое поведение рассматривается, таким образом, Фрейдом как некое противоречивое в себе единство.

II

В предыдущей главе мы видели, что та сфера психической жизни, где царит принцип удовольствия-неудовольствия есть сфера консервативных влечений организма. По ту сторону этой сферы расположена область господства принципа реальности. Эта потусторонняя сфера не будет в настоящей главе предметом нашего рассмотрения. Мы, вслед за Фрейдом, займемся более глубоким изучением принципа удовольствия-неудовольствия и тех биопсихических процессов, которые лежат «по ту сторону» этого принципа.

Итак, психическая сфера принципа удовольствия консервативна и слепа. Влечения не являются стимулами прогресса, они, напротив, стремятся лишь к восстановлению нарушенного энергетического равновесия в организме, к преодолению излишних раздражений, откуда бы они ни происходили. «Для живого организма такая защита от раздражений является, пожалуй, более важной задачей, чем восприятие раздражения... если бы он не был снабжен защитой от раздражения, он давно погиб бы от действия этих раздражений» [5, с. 61]. «Такие возбуждения извне, которые достаточно сильны, чтобы проломить защиту от раздражения, мы называем травматическими. Я полагаю, что понятие травмы включает в себя понятие нарушения защиты от раздражения». Такова функция влечений, которая является ничем иным, как функцией, отвечающей потребности организма в восстановлении прежнего состояния. Влечение, с этой точки зрения, можно было бы определить как наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния, которое под влиянием внешних препятствий живое

существо вынуждено было оставить, в некотором роде органическую эластичность, или выражение косности в органической жизни. Под эту характеристику можно подвести все влечения. Влечения не являются подвижными, творческими, они слепо воспроизводятся, руководствуясь принципом постоянства. «Они (влечения размножения Б. Б.) в том же смысле консервативны, как и другие, так как воспроизводят ранее бывшие состояния живой субстанции, но они еще в большей степени консервативны, так как особенно сопротивляются внешним влияниям, тогда как, еще в более широком смысле, так как они сохраняют свою инерцию на более длительные времена». Эти косные влечения носят характер непреодолимой для организма силы. Фрейд в качестве иллюстрации «навязчивых воспроизведений» приводит элементарные непреодолимые инстинкты животных, как метание икры, перелеты птиц, наряду с феноменами наследственности и эмбриологическими фактами. «Все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, к восстановлению прежних состояний». Влечения лишь слепое воспроизводят воспринятые и сохраненные, вследствие пластичности живой материи, отатки раздражений. Их прогрессивность иллюзорна, консервативные повторения лишь производят «обманчивое впечатление сил, стремящихся к изменению и прогрессу.» [9].

Какие же силы являются носителями движения и прогресса, антиподом от которых суть влечения? Что нарушает энергетическое равновесие организма? Внутренние и внешние раздражения. Организм стремится освободиться от тех и других. Если влечения консервативны, то силы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних мешающих и отклоняющих влияний. Ведь, в конечном счете, именно история развития нашей земли в ее отношении к солнцу есть то, что наложило свой отпечаток на развитие организмов». Таким образом, прогресс органического мира объясняется Фрейдом не имманентными творческими силами живой материи, а нарушающими равновесие воздействиями эволюции внешней среды.

Над психологических наблюдений, в особенности над снами людей, одержимых травматическими неврозами, а также над детскими играми, поставил перед Фрейдом новую проблему. Дело в том, что указанные наблюдения обнаружили навязчивое вос-

производство, отличающееся непреодолимым («демоническим») характером и противоречащее принципу удовольствия, сохранению жизненного равновесия. Пытаясь разобраться в этих наблюдениях, Фрейд конструирует новую метапсихологическую гипотезу о «влечениях к смерти» и к «жизни», которая, таким образом, «покоится, во всяком случае, также на исследуемом материале, а именно на фактах навязчивого воспроизведения». Гипотеза заключается в том, что имеются два рода органические тенденции: те, которые устраняют многочисленные раздражения, их можно назвать влечениями к смерти и те, которые воспроизводят раздражения, чем нарушают органическое равновесие — эти тенденции Фрейд называет влечениями к жизни.

Фрейд на широких крыльях гипотезы отправляется в поиски биологических коррелятов этих двух родов влечений. Первое предположение, которое он делает, гласит, что носителями влечений к жизни являются сексуальные влечения, а влечения «Я» сводятся к влечениям смерти. Мы не будем останавливаться на самых разнообразных аргументах и аналогиях, приводимых в качестве обоснования этого деления. Отметим лишь, что для Фрейда либидо является носителем всей энергии организма, всех его действующих сил, которые многообразно дифференцируются, сублимируются и, следовательно, является нарушителем равновесия. С другой стороны, это разделение влечений обосновывается биологически на анализе естественной смерти организма как внутренней необходимости и копуляции и размножения, как продолжения жизни, как некоего рода бессмертия. Наряду с серьезными аргументами Фрейд пытается обосновать это деление и явно неудовлетворительными поверхностными аналогиями. Так, например, инстинкт самосохранения, очевидно являющийся влечением к жизни и в то же время влечением «Я», объявляется сексуальным влечением на основании аналогии многоклеточного организма с копуляцией. Другой пример: «Отсюда сходство состояния следующего за полным половым удовлетворением, с умиранием, а у низших животных — совпадение акта оплодотворения и смерти. Эти существа умирают во время размножения, поскольку, по успокоении эроса, путем удовлетворения, стремление к смерти получает полную свободу осуществить свои намерения» [4, с. 47].

Даже если обеими ногами стоять на точке зрения Фрейда, это подразделение не выдерживает прикосновения критики. Сексуальные влечения, как неоднократно отмечалось, не менее консервативны, нежели влечения «Я». Далее, как отмечает Фрейд, само размножение, продолжение рода является частичным проявлением роста. «Можно было возразить, что оно (упомянутое понимание сексуальности В. В.) предполагает существование влечений к жизни, действующих уже в простейшем живом существе, так как иначе копуляция, противодействующая естественному течению жизненных процессов и затрудняющая задачу отмирания, не удержалась бы и не подвергалась бы разлитию, а погибала бы. Если мы не стремимся оставить предположение о влечениях к смерти, нужно, прежде всего, присоединить их к влечениям к жизни» [5, с. 101]. Кроме того, стремление к освобождению от раздражений понимается то как влечение к смерти, то как влечение к жизни, как функция самосохранения организма (см. выше о травме). Фрейд, осознавая раздражающую эту конструкцию противоречия, принужден признать ее неудовлетворительной. При этом необходимо отметить, что к откату от отождествления влечений к жизни и смерти с влечением «Я» и либидо Фрейда вынуждает поглощение влечений «Я», влечений к самосохранению сексуальными влечениями. «Теперь перед нами встает неожиданно следующий вопрос: если и влечения к самосохранению имеют либидозную природу, то может быть, вообще, мы не имеем других влечений, кроме либидозных. По крайней мере, никаких других мы не видим» [5]. А раз остались одни либидозные влечения, то влечения к смерти исчезли. Но Фрейд не хочет успокоиться на Юнговском сексуальном мниме. «Мы предполагаем, что в «Я» действуют еще другие влечения, кроме либидозных влечений к самосохранению, но мы должны быть в состоянии их выявить... Остается минусом то, что анализ давал нам до сих пор возможность изучать только либидозные влечения. Мы не можем, однако, сделать вывод, что других влечений не существует» [5].

Прежде чем следовать за Фрейдом в поисках мифических «влечений к смерти», остановимся на методологической оценке предыдущих рассуждений, причем в данной статье я не буду касаться «демонического» влечения самого Фрейда к пансексуализму. Необходимо обратить внимание на причудливую интер-

фирмацию двух методологических принципов: объективно-каузального и субъективно-телеологического. Книга представляет собой какую-то диковинную окрошку из трезвых биологических данных и мистической спекуляции. Точки зрения, понятия, термины переливаются всеми цветами методологии. Органическая инерция превращается в смерть, жизненным механизмом обусловленная смерть – в непреодолимое *влечение к смерти*, из *продукта* жизни смерть превращается в *конечную цель* всякой жизни, организм окольными путями строится к смерти, каждый организм хочет умереть только *почему*. В этом калейдоскопе понятий появляется *судьба* одноклеточных; негативное понятие инертности, косности, претерпевает метаморфоз в весьма активную целесообразную силу, хитро стремящуюся к возвращению организма в неорганическое состояние. Словом, все здесь есть, коль нет... ненаучной мистики и безудержного пускания наукообразных мыльных пузырей, ловкой эквилибристики понятиями подвижного остроума. Мы не отрицаем биполярности жизни и смерти. «Тогда и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерти, как существенного момента жизни, которая не понимает, что *отрицание* жизни, по существу, заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше, – к смерти. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится». Коренная ошибка Фрейда в том, что он не сумел остаться на точке зрения объективно-диалектического понимания жизни и смерти, а пытается обосновать психологические феномены на основе *телеологического* истолкования (точнее, извращения) – диалектического понимания жизни. Если не осознание Фрейдом объективного характера субъективных психических процессов мистифицирует читателя, то попытка субъективировать, психологизировать исключительно объективные биологические понятия парализует всякую возможность исследования. А в рассматриваемой книге Фрейд так и поступает: он субъективирует биологические основания влечений и смешивает объективные результаты (напр, продление рода) с психическими феноменами (влечение к жизни). В общем, несмотря на научные оазисы, рассуждение ведется телеологически. Не знаешь чему удивляться: смелым полетам спекулятивной мысли Фрейда или, если отсечь

субъективную телеологию, не оригинальности биологического материала. И совершенно не «нечаянно» Фрейд попадает, в конце концов, в лоно Шопенгауэра. Вступив на почву телеологизма, не следует удивляться самым неожиданным результатам.

Логика обязывает. Фрейд, утратив носителя влечений к смерти в инстинкте самосохранения, отправляется в дальнейшие поиски, стараясь, во что бы то ни стало, оправдать это влечение влечений. Новым носителем влечений к смерти оказывается садизм. «Садизм есть собственно влечение к смерти, которое отнесено от "Я" [5, с. 97]. Садизм и является искомым деструктивным влечением к смерти, инстинктом разрушения (мы уже отметили превращение смерти из «абстрактного понятия отрицательного содержания» в активное разрушительное влечение). Но хорошо влечение к смерти, стремящееся к смерти... другого! А садизм как раз является не субъективно, а объективно направленной деструкцией. «Если такое предположение допустимо, то было бы исполнено требование привести пример такого, хотя и пылесенного, влечения к смерти. Но определение это лишено поимкой наглядности и производит, поэтому, слишком мистическое впечатление. Мы приходим к необходимости найти выход из этого затруднения, во что бы то ни стало» [5, с. 97]. Фрейд разрешает это затруднение тем, что принимает садизм за вторичное, производное влечение, за объективированный мазохизм. Мазохистские и либидозные тенденции – таковы носители двух родов влечений. Но мазохизм является компонентом сексуальных влечений, он находится в подчинении нарцисстического либидо в виде садизма.... «Очевидно, нет данных для проведения столь капитального различия между эротическими влечениями и влечениями к смерти, различия, предполагающего совершенно противоположные физиологические процессы», заявляет Фрейд в другой, более поздней, работе, после анализа амбивалентности любви и ненависти [4]. Фрейд говорит об амбивалентности этих чувств, а не об их противоположности. Он сознает, что постулированный в качестве универсального принципа органической жизни мазохизм нигде не обнаруживается, ничем себя не проявляет. «Все снова и снова мы убеждаемся в том, что влечения, которые мы можем проследить, оказываются исходящими от эроса. Не будь высказанных нами соображений и не будь, кроме того, садистических дополнений к эросу, мы вряд ли могли бы

держаться дуалистического воззрения. Но так как мы вынуждены держаться его, то нам приходится создать впечатление, что влечения к смерти большей частью безмолвствуют, и что шум жизни исходит преимущественно от эроса». «Влечения к смерти» тяготят Фрейда, мертвым грузом давят его, допустив их, он их не обнаруживает, признав их существование, он вынужден отказаться от признания их деятельности, для него «было бы облегчением, если бы все построение оказалось ошибочным», психоаналитические исследования влекут его к Юнговскому пансексуализму, но он все же не признает краха своих попыток подвести «метапсихологический» фундамент под психоаналитическое здание, хотя и не отрицает, «что третий шаг в учении о влечениях, который я сейчас предпринимаю, не может претендовать на ту же достоверность, как первые два, а именно расширение понятия сексуальности и установление нарцизма» [5, с. 104]. «Надо быть готовым оставить ту дорогу, по которой мы некоторое время шли, если окажется, что она не приводит ни к чему хорошему». Мы приходим к этому последнему признанию, чтобы показать, что отказ от рассмотренной гипотезы, несколько не колеблет психоаналитического учения в целом. Фрейд считает *возможным* отказаться от этого пути и пойти по другому, если это окажется нужным. Для последовательного материалиста очевидно *необходимость* отказаться от этого пути и иного обоснования психоанализа. До чего «надо дойти хромая», оставаясь имманентным телеологом, до этого можно «долететь», став на почву диалектически-материалистической методологии.

Каково рациональное ядро учения Фрейда о влечениях к жизни и смерти? Или в этом учении нет рационального ядра, оно скорее походит на луковицу, где за бесчисленными идеалистическими оболочками тщетны были бы всякие поиски ядра? Мне кажется, что и в этой метапсихологической работе есть зерно истины, которое, будучи пересажено на другую методологическую почву, способно дать плоды. Этим рациональным ядром я считаю, во-первых, стремление Фрейда подвести энергетический *базис* под свое учение о принципе удовольствия и не-удовольствия и, во-вторых, учение об инерции органической материи.

Установив, что субъективными индикаторами органических влечений являются, с одной стороны удовольствие, с другой —

неудовольствие, Фрейд делает попытку уяснить физиологические, точнее энергетические, основы этих противоположных чувств. Он находит их внутри — органическом энергетическом равновесии и в нарушении его. «Мы решились поставить удовольствие и неудовольствие в зависимость от количества возбуждения, имеющегося в психике, таким образом, что неудовольствие соответствует повышению, а удовольствие понижению этого количества». Здесь следует уточнение приведенного определения и далее: «... если работа психического аппарата направлена к тому, чтобы удерживать количество возбуждения на низком уровне, то все, что содействует нарастанию напряжения, должно быть рассматриваемо как нарушающее нормальные функции организма, т. е. как неудовольствие [4]».

Влечение к смерти есть, таким образом, не то иное, как энергетическая тенденция к разряжению излишнего возбуждения, субъективным выражением которой является принцип удовольствия, влечение же к жизни есть органическая тенденция, способствующая повышению разряжения, и функцией ее является принцип неудовольствия. Причиной терминология, отождествляющая удовольствие со смертью, не должна нас смущать, ибо значит только то, что принцип удовольствия выводится из принципа постоянства». «То, что мы признали в качестве доминирующей тенденции психической жизни, может быть, всей нервной деятельности, а именно, стремление к уменьшению, сохранению в покое, прекращению внутреннего раздражающего напряжения... как это находит себе выражение в принципе удовольствия — является одним из наших самых сильных мотивов для уверенности в существовании влечений к смерти. Принцип удовольствия будет тогда тенденцией, находящейся на службе у функции, которой присуще стремление сделать психический аппарат вообще лишенным возбуждений или иметь количество возбуждения в нем постоянным и возможно низким». Затем следует указание, что эта функция — частичное выражение всеобщего стремления органического мира к возвращению в неорганическое состояние. Здесь начинается телеологическая мистика. Приведу, наконец, последнюю цитату, чтобы у читателя не осталось сомнений, что в основе фантастического учения Фрейда лежит серьезное намерение дать биологическое обоснование принципу удовольствия — неудоволь-

ствия. «Влечения к жизни имеют больше дела с нашими внутренними восприятиями, выступая как нарушители мира, идущие вместе с собой напряжения, разрешение которых воспринимается как удовольствие. Влечения же к смерти, как кажется, непрерывно производят свою работу. Принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти». Таков «здоровый смысл» учения о двух родах влечений.

Но в этом учении можно заметить и вторую рациональную тенденцию — обосновать «амбивалентность» всего организованной материи. Амбивалентность эта заключается, с одной стороны, в чувствительности, пластичности, с другой — в косности материи. Таким образом, рассматриваемые влечения к смерти (косность) и влечения к жизни (пластичность) оказываются шире принципов удовольствия и неудовольствия и не вполне совпадают с ними. Оба они консервативны. Тенденция к навязчивому воспроизведению, будучи выражением косности, далеко выходит за пределы принципа удовольствия. «Если действительно влечения обладают таким общим свойством, что они стремятся восстащить раз пережитое состояние, то мы не должны удивляться, что в психической жизни так много процессов осуществляется независимо от принципа удовольствия». Таким образом, второй вариант Фрейдовского учения о влечениях — в его рациональной основе, представляет собою учение о двух свойствах пластичной органической материи.

Таковы гипотезы Фрейда о том, что лежит «по ту сторону» принципа удовольствия, другими словами, каковы биологические носители психической сферы бессознательного.

III

У Фрейда, как мы убеждались неоднократно, язык служит не для уяснения, а для сокрытия мыслей. В подлежащей нашему рассмотрению книге «Я и Оно» (1923) Фрейд делает еще шаг вперед по пути терминологической мистификации. У Ницше заимствуется термин «Оно», который ничего другого не означает, как известного уже бессознательного. «Оно» противопоставляется «Я» — синониму сознательного. «Я» есть только измененная, под прямым влиянием внешнего мира и при посредстве психических процессов, часть «Оно», своего рода продолжение дифференциации поверхностного слоя. «Я» старается также содействовать влиянию внешнего мира на «Оно» и осуществлению

тенденций этого мира, оно стремится заменить принцип удовольствия, который безраздельно властвует в «Оно» принципом реальности. Восприятие имеет для «Я» такое же значение, как влечение для «Оно». «Я» олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью в противоположность к «Оно», содержащему страсти [4]. С этим рассуждением мы уже знакомились, говоря о принципе удовольствия, и в эту проблему, кроме новых данных, Фрейд ничего не привносит. Новым понятием, охватывающим центральную идею рассматриваемой работы является «Сверх-Я» или «Идеал-Я», который вводится как дополнительный элемент психической жизни наряду с «Я» и «Оно».

В последующих строках мы займемся анализом этого понятия. «Идеал-Я» находится в тесной связи с двумя другими сферами психики. Анализируя вытеснение, Фрейд обнаруживает, что *сопротивление* проникновению в «Я» элементов бессознательного не является сознательным. «Но так как сопротивление, несомненно, исходит из его "Я" и принадлежит последнему, то мы оказываемся в неожиданном положении. Мы нашли в самом "Я" нечто такое, что тоже бессознательно и проявляется подобно вытесненному, т. е. оказывает сильное действие, не переходя в сознание, и для осознания чего требуется особая работа». «Сверх-Я» тесно связывается с «Оно» и может быть представителем последнего по отношению к «Я». «Сверх-Я» глубоко погружается в «Оно» и потому более удалено от сознания, чем «Я». «В то время как "Я" является преимущественно представителем внешнего мира, реальности, "Сверх-Я" выступает навстречу ему, как адвокат внутреннего мира или "Оно"». Таким образом, находясь в некоем контакте с «Я» (иногда, как мы видели на примере вытеснения, действуя как представитель «Я»), «Сверх-Я» в то же время находится в теснейшей связи с «Оно», действуя как бессознательное внутреннее влечение. Каково его происхождение? Мы не ошибемся, если допустим существование полного эдипова комплекса у всех людей, а у невротиков в особенности... Можно сделать грубое допущение, что в результате сексуальной фазы, характеризуемой господством эдипова комплекса, в «Я» складывается осадок, состоящий в образовании обоих названных, как-то согласованных друг с другом отождествлений (с отцом и с матерью Б. Б.). Это изменение «Я» удерживает особое положение: оно противостоит прочему содержанию «Я» в качестве иде-

ального «Я» или «Сверх-Я». В рассматриваемой книге тщательно анализируется «Сверх-Я» как производное разнообразных механизмов, обусловленных эдиповым комплексом. Такими же механизмами объясняется происхождение «Сверх-Я» и его взаимоотношения с остальными психическими сферами. Каковы же его функции, его роль в поведении индивидуума? «В нашем «Я» развивается такая инстанция, которая может обособиться от остального «Я» и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее «Я идеалом» и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и главную роль при вытеснении» [10, с. 5]. «Нормальное, сознательное чувство вины (совести) не содержит никаких трудностей для объяснения, оно основано на конфликте между «Я» и «идеальным Я», является выражением осуждения «Я» его критической инстанцией» [4, с. 52]. Таким образом, ряд важных функций, приписывавшихся прежде «Я», оказывается принадлежащим не ему, а «Сверх-Я», и часто осуществляются, несмотря на конфликт с «Я». Отношения усложняются. Совесть, цензура — деятельность «Сверх-Я», а «Я» — представитель реальности, а не моральности. С этой точки зрения Фрейд очень отчетливо характеризует эти три сферы. «С точки зрения обуздания влечений, морализма, можно сказать: «Оно» совершенно аморально, «Я» должно быть моральным, «Сверх-Я» может стать гиперморальным, при этом условии таким жестоким, каким бывает только «Оно». «Я» является несчастным существом, которое служит трем господам, образно выражается Фрейд, оно вынуждено согласовать органические влечения индивиду («Оно») с объективной реальностью («Я») и притом таким образом, чтобы сделать свои поступки приемлемыми для моральных требований индивиду («Сверх-Я»). Наличие в психической жизни человека особой морально-критической инстанции, более или менее самостоятельной, часто вступающей в конфликт с влечениями индивидуума в форме совести, чувства вины и т. д. есть неоспоримый эмпирический факт. Этот факт необъясним из биологического приспособления к реальному миру, так как часто действует наперекор ему. Он также не совпадает с приведенным выше истолкованием «Я», как условно-реактивной психической системы. Необходимо допустить особую психическую инстанцию, осуществляющую вышеуказанные функции, называемую Фрейдом «Сверх-Я». Нужно согласиться и с тем, что часто эта нелег-

но преодолимая сила действует, не будучи осознанной, из глубин психики. «Существуют люди, у которых самокритика и совесть, т. е. бесспорно высокоценные душевные проявления, оказываются бессознательными, и, оставаясь таковыми, обуславливают различные поступки». Нормальный человек не только гораздо безразличнее, чем он полагает, но и гораздо нравственнее, чем он об этом знает. Но соглашаясь с существованием такой специфической функции, можно расходиться с Фрейдом в отношении ее генезиса и сущности. Постараемся показать, что если отсечь пансексуалистические элементы Фрейдовского объяснения, разбору которых я предполагаю посвятить особую статью, оно («Сверх-Я») совпадет с общепринятым в современной марксистской психологии пониманием совести. Одновременно мы постараемся показать, что приводимые Фрейдом соображения дают повод к иному, помимо пансексуального, развитию его идей, и что сексуализм в данном случае не является логически-необходимым выводом из анализа так называемого «Сверх-Я».

Установив, что образование «Сверх-Я» есть следствие отождествления с отцом в наиболее ранний период развития личности, Фрейд замечает, что «такое отождествление, по-видимому, но есть следствие или результат привязанности к объекту; оно прямое, непосредственное и более раннее, чем какая бы то ни была привязанность к объекту».

«Сверх-Я», таким образом, является первичным, психическим явлением, подобно прочим инстинктам, но в то же время «Сверх-Я» также не может отрицать своего происхождения из услышанного; оно ведь есть часть «Я».

Из последних слов следует, что «Сверх-Я» приближается к типу условно-реактивных приобретенных психических явлений. Такая двойственная природа «Сверх-Я» вполне соответствует нашим марксистским представлениям о нем, так как корнем морали и совести, с нашей точки зрения, является унаследованный «социальный инстинкт», но реальное содержание инстинкт-задаток приобретается в процессе индивидуального развития человека в той или иной социальной среде. Если всякий иной инстинкт есть филогенетическое образование биологического порядка, то социальный инстинкт является осадком родовой эволюции *социального* животного. Филогенетическое происхождение «Сверх-Я» отмечает и Фрейд. «Вследствие

истории своего образования «идеальное Я» имеет теснейшую связь с филогенетическим достоянием, архаическим наследием индивидуума. С другой стороны, нам ясно и различие между остальным содержанием «Я» и «Сверх-Я». «Сверх-Я» есть, у Фрейда, «результат двух чрезвычайно важных биологических факторов: продолжительной детской беспомощности и зависимости человека и наличия у него эдипова комплекса». Оставим в стороне эдипов комплекс и попробуем объяснить образование «Сверх-Я» из установленного выше социального инстинкта и детской беспомощности. «В бреде наблюдения становится очевидным распад этой инстанции («Сверх-Я» Б. В.), и при этом открывается ее происхождение из влияния авторитетов, прежде всего родителей» [10, с. 54]. Содержание «Сверх-Я» воспринимается в раннем детстве, до эмансипации ребенка, главным образом, от родителей и содержит следки родовых социальных традиций. «Сверх-Я» есть нечто иное, как сексуализированные и персонифицированные социально-бытовые традиции, запечатлевающиеся в психике не самостоятельного еще ребенка и властно сказывающиеся в его дальнейшей «сознательной» жизни. «Сверх-Я» — тот памятник былой слабости и зависимости «Я» — сохраняет свое господство также над зрелым «Я». Как ребенок вынужден был слушаться своих родителей, так и «Я» подчиняется категорическому императиву своего «Сверх-Я» [4, 49]. Конфликт между «Я» и «Сверх-Я» есть конфликт между косными силами и дедами, заветными моральными традициями и новыми взглядами — продуктом социальных сдвигов и новобразований. Социальная психология дает много примеров того, как прочны и сильны социальные традиции, как непреодолимо прорываются они в поведение человека, противостоя влияниям социальной «реальности». Чрезвычайно интересно замечание Фрейда о том, что «Сверх-Я» является зерном религии. Не рассматривая здесь вопроса о психологии религиозных верований, мы должны обратить лишь внимание на это замечание, вполне соответствующее взгляду на религию как идеологию традиционализма в противовес другим типам идеологий, которые ближе по своему характеру к принципу реальности, выражаясь языком Фрейда.

Таковы приемлемые и неприемлемые компоненты учения Фрейда о «Сверх-Я». Неприемлемыми оказались лишь словесная оболочка и не вытекающая «из природы вещей» сексуаль-

ная гипотеза в основании «Сверх-Я». Отметим в заключение, что рассмотренное понимание личности соответствует и взглядам виднейших представителей биологической психологии. Так, например, Серджи устанавливает в психике личности три слоя: врожденные образования, образования, приобретенные под влиянием социальной среды, и, наконец, приобретения индивидуальнo-психического развития. Тот же мотив варьируется и у других представителей этого научного направления (Арджо, Инкеншорос), причем «Я» и «Сверх Я» фигурируют то, как традиция и повизна, то, как подражание и изобретение.

Подведем общие итоги знакомства с метапсихологией Фрейда. Объектом изучения все время является личность человека, личность во всей ее сложности, притом личность рассматриваемая как продукт биологической эволюции и в тесной зависимости от общественной среды. Фрейд пытается уяснить не только единство, но и противоречия различных психических механизмов, отсюда столь большое место, уделяемое изучению всевозможных конфликтов внутридельной личности. В первой главе мы рассмотрели два основных типа психической деятельности на основе принципов удовольствия и реальности, их генезис, единство и противоречивость. Далее мы разобрали неудачную попытку Фрейда глубже взглянуть по ту сторону инстинктивной жизни и обосновать психоанализ посредством телеологизации общепринятых биологических учений об имманентном развитии растений и смерти в живом организме. Наконец, в третьей главе был введен, в дополнение к двум прежним принципам, представитель социальных традиций, по форме своей являющийся промежуточным между сознательным и бессознательным. Везде мы попытались отделить неприемлемые, навеянные Шопенгауэром и Ницше, мистические гипотезы от соответствующих фактам и научной методологии идей. Теперь мы располагаем достаточными данными, чтобы выяснить, что представляет собою Фрейдовская метапсихология, и дать ей объективную оценку с точки зрения нашего мировоззрения.

Если психоанализ — область эмпирических данных, то метапсихология — попытка подвести под них принципиальное теоретическое основание. Сам Фрейд следующим образом определяет метапсихологию. «Мы найдем нужным обозначать особым названием точку зрения, являющуюся завершением психоана-

литического исследования. Я предлагаю назвать метапсихологическим такое описание психического процесса, при котором нам удастся описать этот процесс в динамическом, топическом и экономическом отношениях» [6, с. 140]. Это значит, метапсихология есть попытка дать функциональное, биогенетическое и энергетическое обоснование психоаналитическим данным. Но эта попытка не совершенна, «неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени, вследствие того, что мы вынуждены одолжаться у биологии. Биология есть поистине царство неограниченных возможностей, мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколько или десятилетиями позже. Возможно, что как раз такие, что все наше здание гипотез распадется» [5, с. 106]. «Неопределенность наших построений, которые мы называем метапсихологическими, происходит, конечно, от того, что мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения в элементах психической систем и не чувствуем себя вправе делать даже какое-либо предположение; в этом отношении мы оперируем, таким образом, с большим X, который мы переносим в каждую новую формулу». *Метапсихология есть попытка биологически обосновать психоанализ, дать объективное объяснение процессам субъективно-изучаемым психоанализом.* Следовательно, по своему замыслу, метапсихология должна быть объективным исследованием. «Влечения и их превращения есть, конечный пункт, доступный психоаналитическому познанию. С этого момента оно уступает место биологии. Как наклонность к вытеснению, так и способность сублимирования мы должны отнести на счет органических основ характера, над которыми уже возводится психическая надстройка» [1, с. 117]. «Созданное нами научное здание психоанализа в действительности является надстройкой, которая когда-нибудь будет стоять на своем органическом фундаменте; но мы пока не знаем этого фундамента». «По мере того, как мы продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны научиться эмансипироваться от значения симптома "сознательность"» [6, с. 149]. Название избрано Фрейдом весьма удачно, ибо рассматриваемые с субъективно-психологической точки зрения психоаналитика биологические явления находятся «по ту сторону» субъективного эмпиризма. Если для физиоло-

та психология представляет собою «метафизиологию», то для психолога весьма логичен термин «метапсихология» для учения о биологических основах психических явлений.

Но вот та субъективная точка зрения, место отказа от разрешения некоторых проблем, до которых недоразвилась еще современная биология, толкает Фрейда на путь мистических гипотез, упирая его высоко над твердой почвой научных исследований. Вот почему попытка подвести теоретический базис под психоанализ не удастся. Фрейд и сам вынужден все чаще неудовлетворенно оглядываться на свои спекулятивные заключения. Но несовершенные искания Фрейда чреваты многими ценными мыслями и перспективами, которые следует извлечь и паразитить на плодотворной почве диалектического материализма. Нет ничего легче, чем несколькими цитатами из Фрейда и особенно фрейдистов «доказать» реакционность и метафизичность психоанализа, но что доказывают сумасшедшие пустяки Кольнай или бредовые конструкции Раяка? Что нужно спасти таившиеся в психоанализе зерна истины от некоторых психоаналитиков. Весь наш анализ стремился доказать, что *материализм марксистской реактологии оказывается истиной метапсихологического идеализма.*

Литература

1. Фрейд З. Леонардо да Винчи. М., 1922.
2. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1922.
3. Фрейд З. Положения о двух принципах психической деятельности. М., 1923.
4. Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925.
6. Фрейд З. Бессознательное. М., 1925.
7. Фрейд З. Влечения и их судьба.
8. Фрейд З. Трудность пути психоанализа.
9. Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925.

Содержание

Предисловие	3
Бернард Эммануилович Быховский (1898–1980)	4
Метапсихология Фрейда	4
Семён Яковлевич Вольфсон (1894–1941)	28
Экзогамия	28
Александр Александрович Гайворовский	46
Специальные проблемы психотехники политпросветработы	46
Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939)	82
Программа по курсу «Психология» для педагогического факультета БГУ на 1923–24 учебный год	82
Павел Яковлевич Панкевич (1895–1938)	85
Педагогические идеи Н. А. Добролюбова	85